

Очень за Вас обрадовался. Просто не ожидал, что Вы – такой живописец. Но, конечно, живописец-поэт в Вас, слава богу, гораздо сильнее”.

О том, что не был забыт, свидетельствует то, что известнейший пародист Александр Иванов почтил его пародией. В ней есть такие строки:

Стиляжи штиблеты модерна
Порой не подтянешь никак.
Но служит спокойно и верно
Разношенный ямба башмак.

Что ж, ямб не такой уж плохой ритм. Да и отличать его от хоря Осип Яковлевич умел.

Одна из последних публикаций стихотворений Кольчева состоялась уже в 1997 году. Альманах "Охотничьи просторы" перепечатывает стихи о природе. Воспоминания же публиковались, и не в полном объеме, почти полвека назад.

Всецело доверять Кольчеву (как, впрочем, и любому другому мемуаристу) не стоит. Он ошибается в датах, порой – в названиях книг, но очень много верных, метких характеристик, малоизвестных фактов.

Между прочим, в нашем альманахе "Дерибасовская – Ришельевская", в 29 номере, были опубликованы стихи "Потоки" ("На перекрестке Степовой..."). В журнале "Силуэты" 1923 г. имя автора указано как "М. Тарасенко". Подпись вроде бы указывает на Марусю Тарасенко, невесту Ильфа, но чересчур уж лихие строчки для юной девушки. А у Кольчева читаем: "В тех же "Силуэтах" были опубликованы написанные мной совместно с С. Гехтом шуточные стихи о потоковцах". Цитирует он по памяти не вполне точно, но все же авторство стихов не вызывает сомнений. Одной, пусть и маленькой тайной в литературной жизни Одессы двадцатых стало меньше.

Алена ЯВОРСКАЯ

Осип КОЛЫЧЕВ

Рождение "Потоков Октября"

В Одессе в 1922 году при клубе "Январских мастерских" был создан литературный кружок "Потоки Октября". Раньше старые кадровики и молодежь наугад без руководства знакомились с художественной литературой. Теперь появилось руководство в лице милейшего Лагутинского, учителя словесности.

В журнале "Шквал" (1924 г., № 5) напечатаны были любопытные заметки первых организаторов кружка, И. Чернова и А. Баршта, "Как создавались "Потоки Октября":

"— Почему вы не создаете литкружок?

— Да как его создавать? Фабрики писателей еще нет, слышал я.

— Но вы ведь пишете!

— Пишу.

— Вот и прекрасно. Я... тоже пишу.

— Вы?

— Да.

— Тогда давайте, организуемся.

Разговаривали в 1921 году зав. клубом им. т. Ленина — т. Чернов и т. Резников.

Заговорщики подали руки и разошлись. Родился родник пролетарских писателей Одессы".

Багрицкого не приглашали. Он сам пришел.

По его почину пришли и мы, его товарищи, прозаики и поэты: И. Ильф, И. Микитенко, Т. Тэсс, Л. Славин, С. Гехт, С. Бондарин, С. Кирсанов, С. Олендер, Д. Бродский.

Багрицкому доставало особое удовлетворение: на нетронутой почве художественного восприятия прививать благородные правильные вкусы.

Он вливал в нас, в своих слушателей, драгоценное вино чужой поэзии.

Виноделы знают о существовании "винного камня". Им покрывается внутренняя сторона бочонка после долгого хранения в нем вина. С "винным камнем" я сравнил бы эстетический вкус, который вырабатывается в человеке с годами от знакомства с сокровищницей поэзии и культуры, и который Багрицкий умел вырабатывать в каждом из нас.

Обаяние личности Багрицкого заставляло ему верить. Рабочие, пробовавшие себя в литературе, начинали писать грамотно.

Рабочий И. Яковенко, терпевший на литературном поприще поражение за поражением, прочел на каком-то очередном заседании кружка совсем недурные стихи.

Звезда в стеклянном колпаке!

Ты светишь ровно, не мерцая,

Не там, где светят вдалеке

Другие звезды, умирая.

...Звезда в стеклянном колпаке!

Ты с неба пленницей попалась!

О, в чьей мозолистой руке

Впервые ты затрепыхалась!

Читал Яковенко балладу об электрической лампочке, которая только-только начинала робко вспыхивать по вечерам над возрождавшейся после разрухи Одессой. И в этом — было знамение эпохи! Рабочий Одессы воспевал возрождение города.

Эдуард Георгиевич насторожился. В зале заседания установилась деловая тишина. Я напряженно следил за Багрицким, имевшим обыкновенные, слушающая стихи, косить куда-то в сторону серые мечтательные глаза, хрипло откашливаться и нервно ломать длинные с заметным увечьем пальцы. (Два пальца левой руки еще в дни юности были прострелены при неосторожном обращении с револьвером.)

— Настоящие, настоящие стихи! — закричал он, ошарашивая поздравлением смутившегося автора. — Значит, наша работа не прошла даром! Я счастлив!

Конечно, эти стихи рабочего поэта отнюдь не были поэтическим перлом. Багрицкого взволновал тот беспорядочный факт, что рабочий поэт стал мыслить метафорами.

Так росла связь Багрицкого с рабочим коллективом Одессы. Рабочие-кружковцы, или "потоковцы", как их называли, запросто навещали поэта-птицелова. В каждый свой визит к нему на Дальницкую я обнаруживал новых знакомцев.

Разговоры велись уже не только на литературные темы. Багрицкий присматривался к быту рабочих, прислушивался к их языку, обогащая свой словесный багаж. Если же у посетителя вдобавок ко всему прочему оказывалась страсть к птицам или рыбам, интерес Багрицкого к такому товарищу увеличивался вдвое.

Союз их упрочивался надолго. Знакомство превращалось в закадычную дружбу. Багрицкий многих своих приятелей — в том числе и меня — приохотил к разведению рыбок в аквариумах. К покупке певчих птиц, к голубеводству.

Из крохотных гонораров за стихи, печатавшиеся в "Известиях" и в "Моряке", две трети предназначались для жизни и немедленно передавались жене Лидии Густавовне, а треть шла на птиц, клетки, корм.

Я написал "немедленно передавались". Да, во избежание соблазна все деньги истратить на птиц...

..."Потоки Октября" — одна из самых воплощенных страниц в литературной летописи Одессы. Организация крепла с каждым собранием. Здесь, помню, читал Багрицкий своего "Летучего Голландца" с посвящением — очень характерным для того времени.

...Пусть нашей мудростью объятый,
Решит внимающий Совет,
Нужна ли пролетариату
Моя поэма — или нет?

Дело в том, что поэма "Летучий Голландец" была рождена воображением заядлого романтика, она была пропитана солью бушпритов и разорванных бурями парусов, она пахла морским йодом и пометом бакланов.

Совет принял решение все же в пользу поэмы. И совершенно справедливо.

Деление писателей на "пролетарских" и на "попутчиков" перекочевало из Москвы в Одессу.

Багрицкий и молодые писатели, пришедшие в "Потоки Октября", расценивались как революционные попутчики. Пролетарским же массивом организации были Н. Матьяш, А. Баршт, И. Чернов, избранный председателем кружка.

Несомненно, что Н. Матьяш, автор "Коровиных детей", опубликованных в отчетном сборнике "Потоков Октября", в 1924 году обладал талантом жанриста-рассказчика. Я недавно перечел его "Коровиных детей". Это талантливо и хлестко, это тоже следует переиздать.

Колоритен был Аркадий Баршт, человек, страдающий пролеткультовской близорукостью, но глубоко взволнованный судьбами советской литературы.

Любопытны были читатели-активисты кружка, например, Костров.

Он крепко подружился с Багрицким.

Кстати, о Кострове. Он умер в 1961 году, прожив сорок лет после первого знакомства с Багрицким, оставившего в душе рабочего неизгладимый след. Настолько неизгладимый, что в последние годы своей жизни Костров добивался присвоения имени Багрицкого одной из улиц в районе Ближних Мельниц в Одессе, где сам проживал.

Маленький, но поучительный факт!

Протицирую заметку из "Силуэтов" № 2, 1922/23 гг.

"...Вокруг "Потоков" сгруппировалась целая плеяда молодых писателей и поэтов. Хотя кружок называется — и не без основания — пролетарским, он построен не на началах специфического "пролеткультовского" сектантства, по которому "пролетарские писатели" обязательно должны быть из природных пролетариев. В составе "потоковцев" кроме рабочих имеются и так называемые советские разночинцы.

...В настоящем номере нашего журнала помещены три произведения, принадлежащие перу членов кружка "Потоки": "Цветаев" Анатолия Резникова, "Тысяча и одна ночь" — Льва Славина, и поэма Сергея Бондарина "Наливное яблоко". В каждом из этих произведений свой особый подход к революционной действительности".

В тех же "Силуэтах" были опубликованы написанные мной совместно с С. Гехтом шуточные стихи о потоковцах.

Запомнились отдельные строки.

...Встает Чернов, как таковой,

За ним жена, как таковая...

Или

О поэтическая Тэсс,

Краса одесских поэтесс,

Скорее обретайте мужа.

Некоторые строчки следует объяснить. Любимым выражением Чернова, всегда председательствовавшего на кружке совместно с женой, было это пресловутое "как таковой". Оно и вошло в пародию. Бабель, услышав эти стихи, багровел от длительного неудержимого хохота.

В "Потоки Октября", вернее, к Багрицкому, приходили новые люди. Пришел Алексей Югов. Прочел поэму о Леонардо да Винчи, о рождении самолета. Он служил в это время сторожем в одесском морге и учился на медицинском факультете.

Он говорил каким-то загробным голосом (ночные бдения в морге!), глаза вспыхивали острым лихорадочным блеском, но стихи понравились.

И мудрым взором увидал да Винчи

Тщету порыва и безумной смерти,

Покуда винт огромный не привинчен

И сила странная винта не вертит.

К нам пришел молодой с блестящей смолью волос, с детски-застенчивой улыбкой Николай Иванович Харджиев, ныне известный литературовед, ученый.

Принес свои первые поэмы Иван Микитенко, смуглый восторженный парубок. Тогда он писал еще на русском языке.

А вот — ветераны нашего одесского поэтического землячества:

Сергей Бондарин, в те дни писавший эпические циклы ("Среди миров и присно и во веки есть фаворийского сиянья круг"), мечтательный влюбленный в землю и звезды паренек ("И в лиственной разноголосой спальне Я изучал напевы петухов"), любивший, слушая чужие стихи, высоко задирать голову и впиваться глазами в небо.

Семен Гехт, уроженец Молдаванки и торжественно воспевший это обстоятельство в колоритных стихах ("В чрево матери птица меня занесла, В некий день я рожден на углу Госпитальной"), по тем временам и по своему возрасту познавший причудливость и полнокровие жизни полнее, чем мы, его сверстники ("Мы помним эти перебежки По бесконечным кучугурам"), вечно — в бегу, сутулый, картавый, с трудно смываемой печатью одесских интонаций и одесского жаргона на языке его талантливой прозы.

Давид Бродский, добродушнейший толстяк, колоссального веса, в вечной солдатской шинели, волочащейся по плодородной одесской земле, поэт, знавший наизусть всю русскую поэзию и даже прозу, свободно читавший наизусть "Деревню" Бунина и тем поразивший однажды, уже потом в Москве, А. Фадеева.

Лев Славин, всегда немного хмурый, но такой же восторженный, как все остальные "потоковцы", рьяно собирающий материалы для своих будущих ярких книг об Одессе, для романа "Наследник" и пьесы "Интервенция".

Семен Олендер, влюбленный по уши в большую балерину, бродивший так же, как все мы, по бульвару, оглушенный июльским солнцем Одессы, писавший свежие, не стершиеся стихи ("Далось мне в руки, не артачась, Насмешливое насекомое"), сын одесского часовщика, так и назвавший свою первую книгу "Часовщик", с первых дней совершеннолетия поклявшийся бросить свою жизнь под ноги лирической музе.

Георгий Захаров, щеголявший в те дни голубой студенческой фуражкой, энтузиаст своей Преображенской улицы, одесский представитель имажинизма, с заговорщицким шепотом цитировавший Велимира Хлебникова: "Как это здорово! Послушай: "Согнав улыбку, точно хлам, Лик, разделивший пополам".

Евгений Павличенко, насквозь пропитанный интонациями Слободки; Рафаил Брусиловский, даровитый новеллист, жизнерадостный и незлобивый, создавший свой собственный жаргон (увидев красивую женщину, он многозначительно восклицал "Барби", что означало высшую оценку).

Ах, как крепко мы были слиты и спаяны в те дни! О каждом из нас я мог бы написать целую книгу, проложив ее своею любовью и нежностью, как прокладывают тонкой звенящей папиросной бумагой цветные репродукции в альбомах живописи...

Мое сердце и поныне полно любовью к вам, суровые и нежные, будничные и легендарные 20-е годы!